

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ДЕБАТЫ И КОЛЛИЗИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-5-10>

В статье рассматриваются вопросы связи между правами человека (ПЧ) и правами на интеллектуальную собственность (ПИС), которые в наше время имеют параллельные тенденции расширения до уровня глобальных форматов. Они становятся во многом именно рамками, задающими международные системы оценок и взаимодействия. Цель статьи состоит в прояснении характера ПИС в отношении ПЧ. Получены следующие результаты. Продемонстрировано, что изначально ПИС были созданы как подмножество обычных прав собственности, которые в свою очередь были представлены как разновидность ПЧ. Показаны существенные различия в интерпретациях понятий «собственность», «частная собственность» и «интеллектуальная собственность». Аргументировано, что хотя право на собственность (но не частную) и входит в число прав человека по «Декларации», однако оно во многих своих проявлениях имеет потенциал конфронтации с ними, равно как и право на интеллектуальную собственность. В завершении статьи мы попытались понять глобальный режим ПИС как институционализированный «порядок признания». Для этого была использована методология критической социальной теории Акселя Хоннета. В итоге глобальный режим ПИС был проинтерпретирован как специфическое проявление паттернов признания и непризнания. Автор полагает, что он должен быть значительно расширен для того, чтобы защитить физические воплощения очень разных видов интеллектуальных достижений таким образом, чтобы адекватно отражать общечеловеческие, а не только западные ценности.

КРАСИКОВ

Владимир Иванович

доктор философских наук,
профессор, главный научный
сотрудник Центра научных
исследований Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

KrasVladlv@gmail.com

**Права человека;
права на интеллектуальную
собственность;
порядок признания;
собственность;
частная собственность;
глобальные форматы**

Vladimir I. KRASIKOV

Doctor of Philosophic Sciences,
Professor, Chief Researcher,
Center for Scientific Research,
All-Russian State University
of Justice (Moscow)
KrasVladlv@gmail.com

HUMAN RIGHTS AND INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS: DEBATES AND CONFLICTS

**Human rights;
intellectual property rights;
recognition procedure;
property; private property;
global formats**

We consider in this article questions about the relationship between human rights and intellectual property rights. Currently, they set the formats for international assessment and interaction systems. The author obtained the following results, namely: demonstrated that initially intellectual property rights were created as a subset of ordinary property rights, which, in turn, were presented as a type of human rights; showed significant differences in the interpretation of the concepts of "property", "private property" and "intellectual property"; argued that although the right to property is one of the human rights, it, in many of its manifestations, has the potential for confrontation with them. At the end of the article, we tried to understand the global regime of intellectual property rights as an institutionalized "order of recognition". To do this, we used the methodology of the critical social theory of Axel Honneth. As a result, we have interpreted the global regime of intellectual property rights as a specific manifestation of patterns of recognition and non-recognition. We believe that this regime needs to be significantly expanded in order to protect the physical embodiments of very different types of intellectual achievements in a way that adequately reflects not only Western, but also universal human values.

В последние десятилетия мы стали свидетелями огромного расширения норм и утверждений в области ПЧ. Вместе с тем это расширение не сопровождается все более прочным консенсусом в отношении их понимания. Наоборот, чем больше расширяется вселенная ПЧ, тем меньше кажется, что эти права работают как согласованная система координат. Это отрицательно сказывается на способности разрешать конфликты между группами и нациями, чья гуманность упоминается в многочисленных декларациях. Справедливо было замечено, что вместо того, чтобы объединять людей, всеобщая вера в ПЧ по иронии судьбы разводит нации и народы еще дальше друг от друга [1, с. 15–22]. Частично это связано с убеждением, что индивидуальные права на расширение личных возможностей противостоят коллективным правам на экономическое развитие или социальное благополучие. Многие азиатские интеллектуалы и активисты, которые сегодня часто поддерживают словарь прав человека, по-прежнему отвергают «государствоцентричность», а также «индивидуалистическую этику» западных подходов к правам человека [2, с. 88–99].

То же можно сказать и о расширении прав собственности, которые также претерпевают изменения, схожие с теми, что происходит с ПЧ. Здесь имеет смысл выделить три аспекта [3, с. 143–149].

Во-первых, права собственности ведут экспансию в обширной сфере интеллектуальной деятельности. ПИС гарантирует, что так называемые неконкурентные, копируемые товары (такие как компьютерное программное обеспечение, умные комплексы, массивы больших данных и т.п.), которые могут использоваться и принадлежать многим людям без потери своей ценности, тем не менее считаются «редкими», поэтому их можно покупать и продавать, как и другие товары. Хотя патенты и авторские права были с нами на протяжении столетий, более поздние тенденции привели к переосмыслению все большего числа вопросов авторства, оригинальности, использования и доступа к идеям и выражениям с точки зрения прав интеллектуальной собственности.

Во-вторых, патенты сегодня могут быть выданы на вещи, которые в строгом смысле не «изобретены», но уже существуют как компоненты процессов, которые считаются новыми, полезными и неочевидными (как только они были выявлены или немного переделаны). Таким образом, патентоподобная защита была предоставлена некоторым растениям, лабораторным мышам, устрицам с дополнительным набором хромосом и многочисленным соединениям живых организмов. Различные суды подтвердили, что с развитием технологий растения и живые организмы могут быть запатентованы. Все животное царство теперь является мишенью, и система медленно приближается к человеческому телу [4, с. 174–190].

В-третьих, с установлением глобального режима защиты ПИС высокий и единообразный уровень защиты интеллектуальной собственности распространился не только на развитые, но и на развивающиеся страны. Сегодня все члены ВТО обязаны обеспечивать патентную охрану любого изобретения, будь то продукт (например, лекарство) или процесс (например, способ производства ингредиентов для лекарства), хотя допускаются определенные исключения [5, с. 504–516].

Подобно дебатам в области ПЧ, интеллектуалы незападного происхождения оспаривали предполагаемый культурный «шовинизм» формирующегося режима ПИС и заявления типа того, что права, защищаемые этим режимом, универсально применимы и выгодны. Более того, как и в случае с универсальными ПЧ, есть свидетельства того, что глобализация прав собственности разъединяет нации и народы.

1. ПИС – это ПЧ?

Лоббисты, которые с середины 1980-х гг. настаивали на установлении нового глобального режима интеллектуальной собственности, сформулировали проблему таким образом, чтобы она соответствовала более широкому нормативному контексту либеральной культуры, глубоко проникнутой «разговорами о правах». ПИС были созданы как подмножество обычных прав собственности, которые в свою очередь были представлены как разновидность ПЧ. С самого начала представители компаний и бизнес-ассоциаций обвиняли развивающиеся страны в поощрении или терпимости к имитации фармацевтических препаратов или нарушении авторских прав и призывали к заключению договора, способного «помешать их пиратам садиться на наши корабли». Другие осуждали организованные «преступные банды» за кражу «драгоценностей американской короны». Назвав нарушителей правил интеллектуальной собственности «пиратами», бизнес-активисты превратили приземленную экономическую проблему ПИС в символ, наполненный мощным моральным смыслом: ибо с древних времен пираты объявлялись врагами человечности (*hostis humani generis*) [6].

На предысторию Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, принятое в ходе Уругвайского раунда Генерального соглашения по тарифам и торговле в 1994 г.) сильно повлияла такая риторика, которая в конечном счете предполагала, что нападки на интеллектуальную собственность подобны нападкам на самих владельцев собственности. Эта риторика была дополнительно подчеркнута сопутствующей идеей применять «нулевую терпимость» к политике международной торговли – идеей, которая возникла из политики в отношении наркотиков 1980-х гг., а затем завоевала популярность в обществе.

Все это начинание, безусловно, было успешным в определенной степени. Присвоение интеллектуальной собственности кем-либо, кто официально не признан ее владельцем, было заклеено как пиратство, а пираты были символически вычеркнуты как «Другие» вне нового международного порядка. Представление ПИС в качестве аналога ПЧ помогло мобилизовать ресурсы власти в пользу нового единообразного международного режима собственности, который мог бы заставить развивающиеся страны соблюдать его. Тем не менее деловой дискурс не смог убрать многообразие значений законной собственности из публичного осуждения.

Неудивительно, что противники глобализации защиты интеллектуальной собственности быстро присоединились к разговору о глобальных правах. Вместо того, чтобы полагаться только на утилитарные аргументы, критика ТРИПС была сформулирована с точки зрения основных прав. Некоторые из этих аргументов отвергают жесткие системы ПИС как еще один пример исключительного института частной собственности. Другие оспаривают толкование ПИС как подмножества обычных прав собственности и подчеркивают фундаментальные различия между этими двумя видами собственности [7, с. 19–24].

Частная собственность вызывает споры также и потому, что она весьма схожа с правом лишать людей ресурсов. Ведь многие не забыли того исторического обстоятельства, что важным побочным эффектом введения права на частную собственность было, как правило, эффективное лишение собственности больших групп людей, которые потеряли те немногие вещи, которыми они раньше владели и которые контролировали. По этой и другим причинам, а также вопреки мнению многих, во Всеобщую декларацию прав человека было включено «право владеть имуществом», но не право на частную собственность [8, ст. 17].

Тем не менее обычные права частной собственности кажутся менее спорными, чем ПИС. Одна из причин может заключаться в том, что, опять же вопреки глубоко укоренившимся западным, включая марксистские, убеждениям, права частной собственности всегда были известны за пределами западного капитализма. Незападные системы собственности были (и остаются) другими, но тезис об отсутствии частной собственности в азиатской социальной истории уже давно дискредитирован [9, с. 31–40].

Таким образом, хотя столкновения цивилизаций по поводу признания частной собственности как такового нет, конфликты по поводу соотношения между «реальными» правами собственности, ПИС и другими формами прав явно усиливаются как в международном сообществе, так и внутри разных стран.

Сами по себе ПИС не являются ни полномочиями, ни иммунитетом, хотя они все более прочно закреп-

ляются и часто рассматриваются наравне с другими правами собственности. Тем не менее глобальный режим ПИС все еще далек от предоставления права иммунитета заявителям на интеллектуальную собственность. Во-первых, стоит помнить, что в отличие от других имущественных прав сроки действия патентов (и авторских прав) истекают через некоторое время. Они дают своим владельцам право только на временные монополии. Всякая частная собственность всегда была обусловлена по крайней мере некоторыми правилами, ограничивающими ее использование. Не существует такого понятия, как неотъемлемое право собственности [10, с. 146–155]. Очевидно, в еще большей степени это относится к интеллектуальной собственности. ПИС исходят из того, что они в конечном счете не ограничивают, а способствуют распространению знаний и богатства в обществе. Таким образом, ПИС содержат предоставленную законом привилегию своего рода «нормативного ожидания». Общество ожидает публичного раскрытия конфиденциальной информации и хочет, чтобы знания распространялись свободно. Вместе с тем владельцы патентов временно защищены от этого общего ожидания, поскольку предполагается, что предоставление частных ПИС является стимулом для инноваций и расширения базы знаний общества.

После предоставления ПИС также действуют как требования к другим лицам, которые должны платить сборы или лицензионные платежи и которым не разрешено копировать защищенные материалы. Однако на эти притязания, в свою очередь, распространяется другой набор привилегий со стороны тех, кто исключен из интеллектуальной собственности. Эти привилегии или принципы ограничения собственности являются как внутренними, так и внешними по отношению к системе ПИС. Тот факт, что ПИС предоставляются на основе согласованной социальной цели, которой должны служить эти права, отражен в ст. 27(2) Соглашения ТРИПС, которая позволяет исключать объект из патентования: «для охраны общественного порядка или морали, включая охрану жизни или здоровья людей, животных или растений, или чтобы избежать серьезного ущерба окружающей среде» [11]. Что еще более важно, ст. 30 и 31 разрешают принудительное лицензирование патентов (их использование без согласия владельцев патентов) в случаях чрезвычайного положения в стране, а также в ряде других ситуаций. Развивающиеся страны мало использовали эти вполне законные исключения и гибкие возможности, которые недавно были подтверждены, в основном из-за реального или ожидаемого внеинституционального двустороннего давления со стороны европейских и американских правительств или влиятельного бизнеса.

2. ПИС – угроза для ПЧ?

Вероятно, первым положением любой версии теории ПЧ может быть утверждение, что некоторые вещи нельзя делать с человеком. Каждый должен не только быть защищен от преследований, пыток или цензуры, но и иметь право второго порядка на то, чтобы его нормативное положение не менялось. В этом смысле идея ПЧ заключается прежде всего в правах на неприкосновенность для каждого отдельного человека. Частная собственность имела высокий статус в основном до XVIII в., когда понятие «собственность» еще включало нашу жизнь, тело и супругов, а не сужалось до «вещей».

ПЧ можно рассматривать как право власти, способное порождать новые права или новые интерпретации старых прав. Кроме того, заявления о ПЧ имеют форму требований о правах против государств и других субъектов. Наконец, ПЧ также касаются привилегированных прав. Там, где соблюдаются ПЧ, люди могут свободно отказаться от господствующей религии или действовать вопреки господствующим мнениям. С другой стороны, массовые нарушения ПЧ породили иной вид привилегий: они придали легитимность государствам, которые нападают на другие государства военными средствами, чтобы остановить зверства. Эта привилегия действует до тех пор, пока вмешивающееся государство де-факто отрицает общую обязанность вообще уважать государственный суверенитет.

Таким образом, ПЧ не могут быть сведены к отдельным привилегиям или требованиям, полномочиям или иммунитетам. Скорее они охватывают и превосходят все это таким образом, что Ханна Арентс охарактеризовала их как «право иметь права» [12, с. 221–244].

ПЧ защищают саму человеческую свободу действий и, следовательно, достоинство людей. Колеблясь между моральным и правовым положением, они определяются борьбой за то, чтобы превратить их из просто желаемых прав в права на благосостояние и свободу, подлежащие судебной защите. Однако никакие юридические формулировки и никакие судебные решения, основанные на декларациях, никогда полностью не исчерпывают объем ПЧ. Именно на этот потенциальный нормативный излишек ссылаются всякий раз, когда люди встают и заявляют о своих правах: сам этот акт вставания подтверждает их человеческое достоинство. Заявляя претензии, люди обращаются не к официальным исполнителям, а как бы к миру, или моральной публике, которой они предъявляют свои притязания на права.

Права собственности, напротив, противостоят миру, людям как носителям гуманистической морали и поэтому всегда вызывали огонь со стороны обездоленных. ПИС с большей вероятностью разо-

жгут политические конфликты, потому что их предмет включает в себя нематериальные активы. Возникающая глобальная система ПИС может лишить людей доступа к важным активам знаний. Более того, она, по-видимому, выводит человечество из того, что можно было бы считать частью его сущности: творчество и условия для самореализации.

3. Режим интеллектуальной собственности как порядок признания

Опираясь на новшество Акселя Хоннета в критической социальной теории, можно предложить охарактеризовать глобальный режим ПИС как институционализированный «порядок признания» [13, с. 52–69].

Не пытаясь резюмировать сложности дебатов о концепции «порядка признания», следует отметить две ее важные идеи для осмысления нашего предмета. Во-первых, многие авторы сходятся во мнении, что справедливое общество – это такое общество, которое оказывает должное признание всем своим членам. Они расходятся в вопросе о том, отделена ли социальная борьба за признание от борьбы за перераспределение материальных ресурсов или же они как-то сочетаемы. Во-вторых, согласно Хоннету признание включает в себя больший содержательный объем, нежели права личности. В частности, сюда включается и общественное уважение, заслуженное отдельными лицами и сообществами в соответствии с их достижениями в качестве «продуктивных граждан», вносящих вклад в благосостояние общества [14].

Как эти идеи способствуют формированию новых аспектов видения сути ПИС?

Многие исследователи характеризуют глобальный режим ПИС как движимый не столько заботой об эффективности, сколько распределительными нормами и желанием собирать патентную ренту в глобальном масштабе [15, с. 46–51]. Их можно также интерпретировать как проявление паттернов признания и непризнания. Дело в том, что каждый порядок интеллектуальной собственности кодируем глубоко укоренившимися ценностными предпочтениями для одних видов труда за счет других. И как только этот порядок становится глобальным, его потенциал неверного признания достижений и квалификации одних социальных групп в ущерб другим значительно возрастает.

Предоставление патента или авторского права подразумевает, что общество считает продукты человеческой изобретательности – и, следовательно, их производителей – достойными «уважения». По этой причине лишь немногие авторы полностью отвергают идею интеллектуальной собственности. Наоборот, даже стойкие критики нынешнего порядка интеллектуальной собственности часто выступают

за создание новых ПИС для защиты, например, коллективной интеллектуальной собственности коренных народов.

Таким образом, реальные разногласия касаются не понимания ПИС как таковых, а того, как защитить физические воплощения очень разных видов интеллектуальных достижений таким образом, чтобы адекватно отражать общее понимание ценностных предпочтений. Соглашение ТРИПС вызвало широкую критику и протесты, потому что многие считают его институциональным выражением моделей уважения, которые не согласуются с самовосприятием тех, кого Соглашение затрагивает. Конфликты возникают из-за растущего впечатления, что одни достижения современного общества чрезмерно защищены законом, а другие недостаточно защищены и могут быть разграблены. В этой связи права фермеров и права на ресурсы традиционных народов заслуживают пристального внимания как символы в борьбе за переоценку вклада этих, во многом «невидимых», групп в глобальное общество.

Времена все же меняются, и знаменательно, что складывание глобального режима ПИС совпало с борьбой за справедливые правила интеллектуальной собственности. Ценностные предпочтения

западной промышленной и коммерческой элиты утверждались в то же самое время, когда консультанты международных организаций, гуманитарные работники и местные жители, получившие образование на Западе, заново открыли ошеломляющее богатство древних, но все еще используемых агрономических, ботанических и медицинских знаний коренного крестьянства во многих развивающихся странах. Вот на этом фоне и был поднят вопрос о признании их скрытого вклада в глобальное благосостояние [16, с. 173–189].

Сегодня и ПЧ, и ПИС пока еще лишь претендуют на действительную универсальность. Формирующийся на наших глазах мировой порядок признания, испытывающий серьезное влияние этих прав, еще не поддерживается прочным моральным консенсусом относительно их реальной применимости и справедливости. Вместо того, чтобы создавать основу для управления конфликтами, оба набора глобальных прав часто имеют тенденцию усугублять их. В то время как ПЧ основаны на моральных интуициях, которые формируют юридический дискурс, ПИС начали свою карьеру как узкоспециализированная правовая доктрина, которая лишь впоследствии была подкреплена морализирующим нарративом.

Пристатейный библиографический список

1. *Захарова О. В.* Современные подходы к пониманию прав человека в западной либеральной мысли : общий обзор // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2018. Т. 23.
2. *Болонина А. Л., Шиманская О. К.* Права человека как фактор международных отношений в условиях глобализации : китайский опыт // Век глобализации. 2016. № 4.
3. *Воробьев Н. С.* Право интеллектуальной собственности в сравнительном аспекте : к вопросу об уточнении понятия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 2.
4. *Новоселова Л. А., Ворожевич А. С.* Исключительные права на результаты геномной инженерии : опыт России и зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39.
5. *Аграшева О. Е.* Права на результаты интеллектуальной деятельности в праве ВТО // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11.
6. *Маличенко В. С.* Международно-правовые механизмы противодействия распространению низкокачественной и фальсифицированной медицинской продукции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. Т. 16. № 1.
7. *Соболева А. А.* Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) // Экономика и управление в XXI веке : тенденции развития. 2016. № 26.
8. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // United Nations : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.10.2022).
9. *Рыжова Н. П., Журавская Т. Н.* Идея о частной собственности и «реальные» захваты земли // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1.
10. *Ахметьянова З. А., Низамиева О. Н. Д. И. Мейер* о сущности права собственности и его составных частях // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. Т. 161. Кн. 4.
11. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности // WIPO Lex Database : сайт. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf (дата обращения: 22.10.2022).

12. Рогожа М. М. Этические импликации смыслов тоталитаризма в исследованиях Ханны Арентдт // Этическая мысль. 2015. Т. 15.
13. Шачин С. В., Шачина А. Ю. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25 (1).
14. Хоннет А. Идея социализма. Попытка актуализации. М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2022.
15. Черешнева И. А. Право интеллектуальной собственности в условиях глобальных перемен : проблема взаимодействия технологий и права // Право будущего : Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1.
16. Андреева Г. Н. Проблемы защиты коллективной интеллектуальной собственности коренных народов // Право будущего : Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1.

References

1. Zakharova O. V. Modern Approaches to Understanding Human Rights in Western Liberal Thought: A General Overview. *News of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious Studies"*. 2018. Vol. 23.
2. Bolonina A. L., Shimanskaia O. K. Human Rights as a Factor in International Relations in the Context of Globalization: Chinese Experience. *Century of Globalization*. 2016. No. 4.
3. Vorobiev N. S. Intellectual Property Law in a Comparative Aspect: On Clarifying the Concept. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2021. Vol. 17. No. 2.
4. Novoselova L. A., Vorozhevich A. S. Exclusive Rights to the Results of Genetic Engineering: The Experience of Russia and Foreign Countries. *Bulletin of Tomsk State University. Law*. 2021. No. 39.
5. Agrasheva O. E. Rights to the Results of Intellectual Activity in the WTO Law. *Questions of Russian Justice*. 2021. No. 11.
6. Malichenko V. S. International Legal Mechanisms to Counteract the Spread of Low-Quality and Counterfeit Medical Products. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2020. Vol. 16. No. 1.
7. Soboleva A. A. Agreement on Trade Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS). *Economics and Management in the 21st Century: Development Trends*. 2016. No. 26.
8. Universal Declaration of Human Rights (adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of 10 December 1948). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (date of the application: 22.10.2022).
9. Ryzhova N. P., Zhuravskaia T. N. The Idea of Private Property and "Real" Land Seizures. *Oikumena. Regional Studies*. 2020. No. 1.
10. Akhmetianova Z. A., Nizamieva O. N. D. I. Meyer on the Essence of Property Rights and its Constituent Parts. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2019. Vol. 161. Book 4.
11. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. URL: https://wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf (date of the application: 22.10.2022).
12. Rogozha M. M. Ethical Implications of the Meanings of Totalitarianism in the Studies of Hannah Arendt. *Ethical Thought*. 2015. Vol. 15.
13. Shachin S. V., Shachina A. Iu. Axel Honneth's Concept of Social Freedom Society. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022. No. 25 (1).
14. Honnet A. The Idea of Socialism. Update Attempt. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2022.
15. Cheresheva I. A. Intellectual Property Law in the Context of Global Change: The Problem of Interaction Between Technology and Law. *Law of the Future: Intellectual Property, Innovation, Internet*. 2018. No. 1.
16. Andreeva G. N. Problems of Protecting the Collective Intellectual Property of Indigenous Peoples. *Law of the Future: Intellectual Property, Innovation, Internet*. 2018. No. 1.